
КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Игорь Малышев. Песнь о Нибелунгах. Прозаическое переложение средневекового германского эпоса. СПб.: Лимбус Пресс, Издательство К. Тублина, 2021. — 464 с.: ил.

Существует два полных стихотворных перевода средневекового германского эпоса «Песнь о Нибелунгах» на русский язык. Один осуществлен в 1889 году М. Кудряшевым, второй в 1972 году Ю. Корнеевым. На основе перевода Ю. Корнеева Игорь Малышев без

купюр и в максимальной степени соответствия сюжету и образному ряду оригинала переложил эпос в прозе. «Много чудесных историй скрыто в ушедших временах. О рыцарских подвигах, шумных пирах, молодецких забавах, о жестоких раздорах, любви и страданиях. Послушайте и вы о тех далеких и славных временах». Речь идет о временах, когда Германии как таковой еще не было, а существовали разрозненные государства баварцев, бургундов, нидерландцев, гуннов. В основе эпоса исторический факт: разгром в 436 или 437 году рейнского Королевства бургундов и гибель короля Гундахара (в поэме Гунтер) с братьями. Так закончилась попытка германцев установить родственные связи с гуннами, укрепившимися в то время в Восточной Европе и угрожавшими берегам Рейна. История героя древних легенд Зигфрида разворачивается на фоне падения бургундского королевского дома. В «Песне» две части. В первой повествуется о женитьбе Зигфрида Нидерландского на бургундской принцессе Кримхильде, а короля бургундов Гунтера на исландской королеве Брюнхильде. А также о раздоре Кримхильды с Брунгильдой, что обрек на гибель королей и их верных вассалов. Злоба и спесь захлестнули королей, и «с тех пошла между ними вражда, из-за которой немало ясных глаз помутнело от слез». Во второй части рассказ о мести Кримхильды соплеменникам за убийство любимого мужа Зигфрида. Для мести она использовала подданных своего второго супруга, правителя гуннов Этцеля. Поэма эта — своеобразная «энциклопедия немецкой средневековой жизни», где есть сведения о том, как пировали, охотились, путешествовали, воевали, заключали брачные и политические союзы, принимали гостей и послов средневековые германцы. Большое значение для женщин и мужчин средневековья имело платье, оно указывало на социальный статус, происхождение, состояние человека. С явным удовольствием автор эпоса описывает наряды, оружие, украшения. В прозе это выглядит так: «Дамы и девы очень хотели понравиться гостям и потому оделись с таким вкусом и изяществом, что лишь слепец мог остаться к ним равнодушным. На оторочку платьев пошли меха горностаев и соболей, шелковые рукава обнимали браслеты... Нет, не под силу мне описать все их уборы и наряды. Гордая краса дев была поистине неотразимой. Цветные пояса обвивались вокруг талий. Под тонким феррандином, привезенным из Аравии, явственно угадывались прелестные гибкие станы. Туго зашнурованные корсажи вздымали груди, а румянец яркостью затмевал наряды». С не меньшим удовольствием автор изображает и воинские забавы: турниры, ристалища, пиры. Со знанием дела живописует жестокие, кровавые битвы бургундов с гуннами, саксами и датчанами, вестфальцами и разными королями и феодалами на службе Этцеля. В прозе это выглядит так: «Бойцы стоили друг друга, щиты звенели, сталь встречалась со сталью», «Царственные бойцы спешили и сошлись лицом к лицу с мечами в руках. И хоть кипела вокруг них битва, свистели и вонзались в щиты копыя и дротики, видели они лишь друг друга. Не обращая внимания на бой, осыпали они друг друга тяжелыми ударами». Во всей многогранности представлены средневековые взаимоотношения: «сюзерен-вассал», «сюзерен-сюзерен», «вассал-вассал». Именно они являются одной из главных пружин сюжета «Песни...» и подчас толкают героев на не вполне понятные современному человеку поступки. Герои эпоса носят черты архетипов своего времени и имеют характеры яркие, суровые и страстные. Зигфрид — образец воителя и рыцаря. Мстительная красавица Кримхильда, чей «гнев был столь ужасен и беспощаден, что многих доблестных бойцов сгубил он». Дева-воительница Брюнхильда, обладавшая невероятной физической мощью. Неблагодарный Гунтер, предавший Зигфрида. Коварный вассал Гунтера Хаген. Дитрих Бернский — достойнейший и отважный рыцарь. И благородный Этцель (германизация гуннского имени Аттила), правитель гуннов в 434—453 годах, объединивший под своей властью тюркские, германские и другие племена на территории от Рейна до Волги. «С каждым учтив был гуннский король, и не делал различий меж бойцами христианской и языческой веры. ...Любой человек, служивший владыке гуннов, какой бы веры он не держался, за верность щедро вознаграждался государем». «В его войсках были и русы, и греки, и валахи, и поляки... Печенеги, тут

были и они — мчались шумливой и дикой толпой, били влет любую птицу меткими стрелами. Вслед за ними скакали бойцы из Киевской земли. Множество воинов, чьи речь и вид были незнакомы Кримхильде, собрались в австрийском Тульне, что стоит на Дунае. И все они впоследствии из-за ее мстительности укрылись могильной землей». По аналогии с греческими трагедиями герои эпоса своими поступками запускают цепь событий, которые обрекают на гибель их самих и ставят под удар их королевства. И тысячами гибнут храбрые бойцы, и рыдают прекрасные девы, населяющие страницы книги. На протяжении всей поэмы рефреном, задающим поэме определенную ритмику, проходит предсказание грядущих бед: «Ах, скольким прекрасным дамам пришлось потом проливать слезы из-за гибели Зигфрида!», «Ах, если бы кто мог предугадать тогда, какая горькая судьба их ждет!» Поэма разбита на короткие главки, авантюры (от французского *aventure* — приключение, похождения). Действие постепенно становится все более напряженным, обретая в последних главах накал, сравнимый с современными боевиками. Принято считать, что эпопея создана около 1200 года. Место ее возникновения следует искать на Дунае, где-то между Пассау и Веной. Авторство «Песни...», а фактически собранных во едино германских героических песен и сказаний и по сей день загадка. В предисловии И. Малышев рассказывает и о предполагаемом авторе «Песни...», об ее особенностях и героях, об исторической подоплеке и исторических прототипах, и о легендарных нибелунгах, чьи затопленные в Рейне коварным Хагеном сокровища не найдены до сих пор. В тексте сносок немного, анахронизмов фактически нет. Текст, стоящий в ряду таких фундаментальных памятников мировой культуры, как «Илиада», «Сказание о Гильгамеше», «Калевала», «Слово о полку Игореве», доступен современному читателю. В конце книги помещен словарь, проясняющий в первую очередь географические названия, названия племен, места их расселения. Так, бургунды жили вовсе не на территории современной Бургундии, а королевство Зигфрида Нидерланды находилось на Рейне.

**Вера Харченко. История Родины в зеркалах семейного родословия.
Белгород: ИД БелГУ, НИУ БелГУ, 2021. — 420 с.**

В 2002 году перед доктором филологических наук Верой Харченко встала проблема: какую тему предложить своим студентам для сочинений по культуре речи, чтобы избежать возможных клише? Совместно со студентами такая тема была найдена: история моей семьи. Подобное задание предлагалось и другим учащимся. Постепенно из копий работ, с позволения авторов сочинений, В. Харченко составила фонд родословия из 30 томов. Накопленный материал требовал систематизации. Так сложилась эта книга. Все тексты она фрагментировала по темам. Получилось 29 разделов: от «Далекого прошлого» до «Диалога с будущим». Каждый раздел разбит на тематические главки-частички. Всего таких главок 420. Наиболее полное отражение получил XX век со всеми его драмами: революции, войны, раскулачивание, репрессии, сталинские лагеря, вынужденные переселения недавних лет. Социальные потрясения, но и созидательный труд, строительство новых городов, освоение целины, взаимопомощь, любовь к русской и мировой классике. А еще — идиллические воспоминания о детстве в бабушкином деревенском доме, о саде, о совместных праздниках. В книге две части. В первой, основной (по объему это $\frac{2}{3}$ материала) история нашей родины разворачивается по десятилетиям, в хронологическом порядке. И в первых главах авторам удается заглянуть в столь далекое прошлое своих родословных, как XVII век. Любопытна главка «Многонациональные браки», своего рода гетерогенезис нашего народа. Авторы знают о наличии в своих семьях польских, турецких, цыганских, греческих, татарских, украинских генов, появившихся в стародавние времена. Семейная память хранит малоизвестные обычаи обыденной жизни. Например, как стирали белье в конце XIX — начале XX века, как из вычесанной шерсти коров делали мячи. В 1917 году спокойная привычная патриархальная жизнь

русской деревни была нарушена революциями и Гражданской войной. Рушились родственные связи, близкие люди оказались по разные стороны баррикад. «После революции его (прадеда) арестовали и расстреляли, такая же участь постигла его сыновей. Его жене с двумя дочерьми удалось спастись и уехать. Позже на старшую дочь кто-то написал донос, и она сошла с ума. Мою прабабушку полюбил чекист, она вышла за него замуж. После революции прадед боролся с бандитами, он был кавалеристом в корпусе Буденного, рассказывал, что однажды даже видел Махно». А чьи-то предки видели Кирова, Троцкого, Орджоникидзе, Колчака, Ленина. Редкий факт «религиозного сопротивления» кощунственным действиям новых властей: «Ужас охватил Марию, когда она увидела, как бросают в огонь и рубят старые иконы. Какая-то неведомая сила заставила ее выхватить из огня ту самую икону, перед которой она с детства молилась в храме. Никого не замечая, не думая о том, что за этот поступок ее могут убить, она, спрятав эту икону под шаль. Побежала домой». Страшный след в большой истории страны и в частной истории семей оставило раскулачивание. «В воспоминаниях ребенка навсегда отпечатался плач, стоящий над селом, глаза деда-мельника, когда догорала его кормилица-мельница, а пожитки из дома и весь скот забирались в коммуну». И если кому-то из семьи удавалось избежать ссылки, то, как правило, родственные связи навсегда обрывались: иметь раскулаченных родственников было опасно. Случалось, соседи предупреждали зачисленных в «кулаки», и те успевали бежать, иногда осужденных оправдывали, а имущество возвращали. Из фрагментов складывается многомерная картина раскулачивания. Представлены точки зрения тех, кого раскулачивали, и — меньше — тех, кто раскулачивал, искренне верил в правоту коллективизации. «Мой дед был одним из первых организаторов колхоза. Он вступил в артель, отдав туда все бабушкино приданое». В воспоминаниях есть все: голод в Поволжье и на Украине 30-х годов; массовые репрессии, когда посадить могли и за анекдот, и за горсть казенного зерна. Скупое — о Финской войне, и много о Великой Отечественной войне, оставившей страшный след в каждой семье. «Деревню, в которой они жили, захватили немцы. У оставшихся жителей (а это были женщины, дети и старики) забрали всю еду и одежду, а самих согнали на поле, заставили стать на колени и начали расстреливать. Из ста пятидесяти человек в живых остались только восемь, среди них была и моя бабушка, на нее упала беременная женщина и закрыла ее от пуль». И именно такая неформальная, субъективная семейная память делает Бессмертный полк действительно бессмертным. «Наши прадеды видели революцию, дедушки и бабушки участвовали в войне, папам и мамам достался „застой“, а нам „перестройка“, — замечено в одном из сочинений. После затишья «застоя» на страну обрушились новые трагедии. Свежи в семейной памяти война в Чечне, гражданские войны на территориях бывших советских республик, вынужденное бегство русского населения из Азербайджана, Средней Азии, Казахстана, Киргизии. Во второй части та же история страны представлена через призму семейных отношений, через роли в семье отца, матери, бабушки, дедушки. Тема семьи рефреном проходит через всю книгу: «Как знакомилась», «Любовь с первого взгляда», «Как создавались семьи», «Семейные связи». Во многих записях звучит особая благодарность дедам и бабушкам, дававшим пример любви и трудолюбия. Другая проходная тема книги: труд и трудолюбие как естественная составляющая жизни, его эстетика, профессиональные способности, навыки, умения старших. Неоднократно подчеркивалось, что до революций состоятельность многодетных деревенских семей обеспечивалась дружной работой всех ее членов. И вырисовывается такая грустная для нас статистика: до революции в семье нередко было 17 детей, норма — 10—12, до Великой Отечественной войны, как правило, 7—8 детей, а после войны в лучшем случае 2 ребенка. Мы плохо знаем истории своих семей. Только ли потому, что ленивы и нелюбопытны? Или «Иванами, не помнящими родства», мы стали в силу того, что в прошлом веке были времена, когда многие старались даже не упоминать о том, кем были их родственники, и берегли детей, не делились с ними семейными историями? В этой книге нет ни-

чего придуманного, все это живая негаснущая память семей, полная разнообразных сюжетов и судеб, размышлений, чувств, эмоций, переживаний. «Подробности расколдовывают историю, — считает Вера Харченко и пишет в предисловии: — История Родины, написанная сквозь призму истории семьи, при всех своих отступлениях, исключениях, особенностях и парадоксах выполняет консолидирующую функцию. Она объединяет всех нас, создает единую нацию с великой историей».

Русский мат, бессмысленный и беспощадный, на войне и военной службе.

СПб.: Алетей, 2022. — 148 с.: ил.

В поисках ответа на вопросы: а совместимы ли боеспособность армии и флота со сквернословием, каковы последствия употребления ненормативной лексики? — преподаватель риторики Военно-морской академии им. Н. Кузнецова Сергей Зверев рассматривает причины зарождения сквернословия, историю его постепенного проникновения в армейскую и флотскую среду, современное коловращение мата среди военных. Он погружается в глубокую древность, обращается к мифам Древней Греции, к Гомеру, к эпосам — древнеиндийскому и древнеиранскому, где ритуальные оскорбления врага (по сути, боевой вызов) не имели ничего общего со сквернословием. Широкий спектр приемов «морально-психологического обеспечения боя» — от восхваления собственной силы, храбрости и непобедимости до насмешки, издевательства над врагом — от своих предков унаследовали воины раннего европейского средневековья, о чем свидетельствуют эпос и литература этой эпохи. Много выразительных цитат. В своих исследованиях инвектив в жанре боевого вызова автор обращается к «Повести временных лет», к русским былинам и летописям, обращает внимание на несуетный и возвышенно печальный дух средневековых русских военных речей. Это и обращение рязанского князя Юрия к своим ратникам перед первым столкновением с татарами, и слово Александра Невского к воинам перед Ледовым побоищем, Дмитрия Донского — на Куликовом поле. На Руси сложился своеобразный риторический канон, которому неукоснительно следовали все князья-христиане при подготовке к битве. Начинался он с гласной публичной молитвы военачальника перед строем и заканчивался кратким словом одобрения, обращенным к дружинникам. Сдержанность в речи в бою и перед боем, считает автор, позволяла аккумулировать и сублимировать неистраченный гнев воинов в боевую энергию. В обширном историческом очерке автор показывает, как по-разному в разных условиях складывались традиции воинского красноречия на Руси и на Западе. Первый зафиксированный в исторической литературе факт божбы и проклятий в воинской речи относится к Столетней войне: Жанна Д'Арк выступила в поход, только искоренив в своей армии богохульство. В русскую армию сквернословие «завезли» европейцы, потянувшиеся на службу царю Алексею Михайловичу в конце Тридцатилетней войны. Отголоском жанра боевого вызова в эпоху Нового времени С. Зверев называет письмо казаков турецкому султану с язвительными пародийными инвективами, но без откровенного сквернословия. Приводит и более поздние аналоги этого письма из времен Великой Отечественной войны: послание защитников Одессы румынскому главнокомандующему Антонеску и аналогичное письмо защитников полуострова Ханко барону Маннергейму. Грубо, безапелляционно, но без сквернословия. Сохранением нравственной чистоты в русской армии был озабочен Петр I. Его «Артикул воинский» (1715) устанавливал суровые наказания за богохульство, божбу и проклятия. Нарушителям предписано было прижигать раскаленным железом язык и отрубать голову. Даже недоносительство каралось лишением имущества или самой жизни. После Петра I русское командование, не такими жестокими методами, конечно, продолжило бороться со сквернословием в русской армии, даже в годы Первой мировой войны. С. Зверев не идеализирует ситуацию, не отрицает, что солдаты и унтер-офицеры русской армии матерились, особенно в армейских

полках, стоявших по медвежьим углам империи. Однако сквернословие офицера перед подчиненными считалось оскорблением чести и личного достоинства. Широкое распространение мата в отечественной военной среде началось в годы революции и Гражданской войны, когда народ, откинув нормы «буржуазной» морали, без помех со стороны властей и отделенной от государства, гонимой религии предался искушению запретными плодами. Л. Троцкий, нарком по военным и морским делам, считая, что успешная армия ни из хама, употреблявшего ненормативную лексику, ни из холопа, ее терпящего, сознательного воина не получится, 7 августа 1919 года издал приказ по Красной Армии № 140. В нем говорилось: «Брань унижает человеческое достоинство, отучает человека от разумной речи, отучает его от мысли и тем самым ослабляет его боевую волю». По другую сторону баррикад в текст белогвардейской присяги входил обет «совершенно не произносить бранных слов». Характерно, что 4 октября 1941 года подобный приказ (№ 0391) издал Сталин. Приказ «О фактах подмены воспитательной работы репрессиями» гласил, «что самосуды, рукоприкладство и площадная брань, унижающая звание воина Красной Армии, ведут не к укреплению, а к подрыву дисциплины и авторитета командира». В начале войны нецензурная брань в армии использовалась для удержания людей в повиновении, и часть военнослужащих Красной Армии сбегала. С. Зверев последовательно рассматривает «колдовращение» мата в военной среде советской, а потом и российской армии, обрисовывает неоднозначность ситуации, приводит примеры отношения к сквернословью выдающихся полководцев и флотоводцев. Например, борьбу со сквернословием решительно вел нарком ВМФ Н. Кузнецов. Не признавал матерщины и рукоприкладства маршал К. Рокоссовский. Выступал против ненормативной лексики «окопный генерал» Г. Трошев. С. Зверев доказывает, что употребление мата руководящим составом свидетельствует о растерянности и стремлении прикрыть недостатки тактического мышления и вызывает нервное у подчиненных. Брань на войне, считает он, это не лекарство от стресса, а симптом тяжелейшего поражения психики. Обращаясь к опыту последних лет, автор приводит удивительные, почти иррациональные примеры благотворного влияния отказа от матерщины на исход боев в Афганистане и в Сирии. Такое влияние подтверждается научными исследованиями функций левого и правого полушарий мозга человека. С. Зверев уверен, что грубость, брань и сквернословие в воинском дискурсе несовместимы с высокой боеспособностью армии и флота, и предлагает свой метод борьбы с этим явлением. Например, введение коммуникативного кодекса военнослужащего.

С войсками Менелика II. Дневник похода из Абиссинии через страну Каффа на озеро Рудольфа А. К. Булатовича. Под ред. Г. В. Ижицкого. Харьков: Литера Нова, 2021. — 216 с.

В конце XIX и начале XX века Александр Булатович (1870—1919) был фигурой заметной: о нем много писали и говорили. Потомственный русский дворянин, гусар-офицер, он в 26 лет стал военным помощником негуса Абиссинии Менелика II и исследователем Африки, в 30 лет — героем Русско-китайской войны (1898—1901). А в 1906 году принял постриг под именем Антоний и возглавил религиозное движение «имяславцев», возникшее на Афоне среди русских монахов. В Абиссинии, как европейцы и арабы называли страну на юго-востоке Африки, или Эфиопии, как называли ее сами жители, А. Булатович оказался по собственному желанию. В 1896 году он добился своего включения в состав российской миссии Красного Креста, направленной в Абиссинию, где абиссинцы, отстаивающие свою независимость, разгромили итальянцев в решающем сражении. Русский санитарный отряд делился на два: один для помощи пострадавшим итальянцам, другой — абиссинцам. 21 апреля 1896 года отряд прибыл во французский колониальный порт Джибути. Для дальнейшего продвижения в глубь Эфиопии требо-

валось разрешение негуса. И именно Булатович, сопровождаемый двумя проводниками, совершил легендарный пробег на верблюдах из Джибути в Харар, преодолев расстояние свыше 350 верст по гористой пустыне за 3 суток и 18 часов, что на 6–18 часов быстрее, чем делали профессиональные курьеры. В октябре 1896 года русский госпиталь торжественно передали Абиссинскому Красному Кресту. Врачи, за исключением небольшой санитарной группы, уехали на родину. Булатович остался. Он совершил три экспедиции в малоисследованные юго-западные области Эфиопии. Перешел ранее не исследованную реку Баро, побывал в низовьях Дидессы и в долине Голубого Нила, совершил поход к озеру Рудольфа, открыл и описал неизвестный горный хребет, разделяющий бассейны рек Омо и Собата, назвав его с высочайшего согласия хребтом Николая II. Экспедиция к озеру Рудольфа осуществлялась в рамках военного похода в бассейн Нила многотысячной армии, направленной негусом, чтобы утвердить там эфиопские притязания в противовес английским и французским. Армия, присоединяя новые территории, продвигалась с жестокими боями. 29 марта 1898 года на возвышенном берегу озера было водружено зелено-красно-желтое полотнище, обозначившее новую границу. Эти рубежи Эфиопия охраняет по сегодняшний день. Отчеты о своих экспедициях Булатович направлял в Санкт-Петербург. Пройдя военную цензуру, они становились известны обществу. Половину книги занимает очерк Геннадия Ижицкого о духовном и жизненном пути Булатовича. Это и подробный рассказ об опасных экспедициях, о целях, которые ставил перед собой исследователь, и о достигнутых им результатах. Это и рассказ о древнейшем христианском государстве Абиссиния и его правителе Менелике II (1844–1913), считавшем себя потомком царя Соломона и царицы Савской. Менелик II построил первую в своей империи железную дорогу и провел телеграф, завез из Австралии эвкалипты, а для своей жены построил город Аддис-Абеба («Новый цветок»). Свое государство Менелик II создавал в борьбе с местными правителями и с внешними врагами. Из всех африканских держав к концу XIX века только древняя Эфиопская империя оставалась полностью свободной от европейского господства. Г. Ижицкий рассказывает и об участии Булатовича в подавлении «восстания боксеров», выступивших против иностранного вмешательства в экономику, внутреннюю политику и религиозную жизнь Китая в 1898–1901 годах. На Дальний Восток Булатович был отправлен по личному указанию Николая II, находился там целый год и принял деятельное участие в сражениях. Жесткости войны и знакомство с Иоанном Кронштадтским привели Булатовича к решению стать монахом. В 1906 году он поселился в скиту одного из монастырей на Афоне. Г. Ижицкий подробно рассказывает о религиозных взглядах Булатовича, о религиозной полемике между имяборцами и имяславцами, о деятельности Булатовича в защиту монахов-имяславцев, насильно выселенных с Афона летом 1913 года. Во время Первой мировой войны отец Антоний служил священником полковых отрядов Красного Креста, водил солдат в атаку, оказывал медицинскую помощь и отпевал умирающих под огнем, был награжден Георгиевским крестом. По болезни в ноябре 1916 года покинул фронт и возвратился в семейное имение Луцыковку (Харьковская губерния). 6 декабря 1919 года его обнаружили застреленным у него дома. Заслуги исследователя Булатовича были оценены при жизни: за работы по Эфиопии он получил серебряную медаль от Русского географического общества (1899). Он первым прошел из конца в конец легендарную, недоступную европейцам Каффу (ныне одна из провинций Эфиопии) и составил подробное ее описание. Он характеризовал речные и горные системы, климат, мир животных, птиц, насекомых и растений. Описал как этнограф население империи Менелика: внешний вид, языковые особенности и уклад четырех основных этнических групп империи: галласов (оромо), сидамо, негров и абиссинцев (амара). Его отчеты содержат множество сведений о военном устройстве Абиссинии, ее судопроизводства, бюджете и торговле. Выпущенные им книги не оставляют сомнений о роде его деятельности: даже после тщательной обработки органами военной цензуры они больше напоминают военные донесения,

нежели научные заметки. В эту книгу помещен первый очерк, посвященный Булатовичу и вышедший при его жизни. Это очерк побывавшего в Африке подпоручика Ф. Криндача «Русский кавалерист в Абиссинии» (1897, 1898), где красочно описан 350-верстный пробег от Джибути до Харара. Напечатан доклад Булатовича «Из Абиссинии через страну Каффа на озеро Рудольфа», читанный в Русском географическом обществе 13 января 1899 года. А также представлены документы и публикации разных лет: деловые письма самого Булатовича, переписка военных, дипломатических и полицейских ведомств, материалы русской периодики, разыскания украинских краеведов. Некоторые документы и фотографии публикуются впервые. Среди иллюстраций рисунки художника-баталиста Е. Сенигова, участника дипломатической миссии, добровольцем перешедшего на службу к Менелику.

**Патрик Барбье. Фаринелли. Величайший кастрат эпохи Просвещения.
Пер. с франц. С. Райского и И. Морозовой. СПб.: Издательство Ивана
Лимбаха, 2021. — 352 с.**

В конце XVI века в связи с папским запретом на участие женщин в театральных постановках возрос спрос на исполнителей-кастратов. В течение XVII и XVIII веков композиторы писали для них специальные оперные партии. Золотым веком музыкального барокко и триумфа вокалистов-кастратов стал XVIII век. Величайший из них, Карло Брокки (1705—1782), известен всему миру как Фаринелли. «Чарующий голос, виртуозная техника и личное обаяние при жизни превратили его имя в легенду, которая покорила большую часть Европы и продолжает притягивать внимание сегодняшних историков и ценителей музыки», — пишет Патрик Барбье. Французский историк музыки сознает, что искусство этого гения невоспроизводимо и ушло вместе с ним. На едином вдохе певец мог выпевать до полутора сотен нот на слоге. Голос Фаринелли, охватывающий три с половиной октавы, хотя и не был безупречен по тембру, обладал невероятной гибкостью и техничностью, а широкий диапазон позволял исполнять как сопрановые, так и контральтовые партии. В 1731 году император Карл VI в беседе с певцом заметил, что надо не только удивлять слушателей техникой, но и пробуждать в них чувства. Фаринелли прислушался, и вскоре его патетическая манера стала знаменита не меньше, чем блеск и гибкость его голоса. И хотя все секреты чарующего голоса раскрыть невозможно, П. Барбье подробно пишет о легендарных технических приемах пения кастратов. Он скрупулезно воссоздает биографию Фаринелли. Выдвигает ряд версий, почему в благополучной семье решились подвергнуть мальчика опасной операции. Изначально мальчик обучался пению у отца, затем у композитора Н. Порпоры, позже у певца-кастрата А. Бернакки. Дебютировал в 1720 году в опере Порпоры на либретто Метастазиио; этот дебют положил начало многолетней дружбе между певцом и драматургом и многолетнему сотрудничеству с Порпорой. В 1722—1734 годах Фаринелли пел в княжеских и королевских дворцах и лучших европейских театрах. П. Барбье освещает все вояжи своего героя, приводит сведения о репертуаре, об исполняемых певцом партиях, судьбоносных для него встречах. Среди тех, с кем Фаринелли связала длительная, ничем не замутненная привязанность и регулярная переписка, приемный отец Порпора, неизменный конфидент в течение долгих лет Метастазиио, болонский аристократ граф Пепполи, покровитель, импресарио, доверенное лицо певца. В 1734—1737 годах Фаринелли выступал в Лондоне в оперной труппе, которой руководил Порпора. Для англичан итальянская опера оказалась скоропреходящим увлечением. После триумфальных выступлений певца публика к итальянской опере охладела. Этому способствовали и интриги двух соперничающих театров в Лондоне, Порпоры и Генделя, и две противоборствующие партии при королевском дворе, поддерживающие каждая свою труппу. В 1737 году по приглашению испанской королевы Изабеллы Фаринелли перебрался в Испанию,

чтобы облегчить божественным пением мучения короля Филиппа V, страдавшего тяжелой хронической депрессией. Контракт не предусматривал сценических выступлений, а ежедневное пение исключительно для короля и его ближайшего окружения. «Улада» была оценена высоко: достойное содержание, дом, выезд, жалование дополняли ценные подарки. В Испании певец провел двадцать два года. Чуткость и врожденная деликатность позволили ему выстроить ровные отношения как с королевой, так и с ее нелюбимым пасынком, будущим королем Фердинандом и его супругой. После кончины Филиппа V он стал наперсником короля Фердинанда VI. Уникальный случай: певец-кастрат — едва ли не самая влиятельная фигура при испанском дворе, обладатель огромного состояния, кавалер рыцарского ордена Калатравы. Он руководил королевскими театрами, поставил 23 оперы, возглавлял подготовку наиболее значимых мероприятий при дворе: спектаклей, балов, празднеств. И даже включился в политику, выступая на стороне Австрии и против стран, где когда-то не получил должного приема — против Франции и Англии. П. Барбье описывает «тайны мадридского двора», взаимоотношения при дворе, разностороннюю деятельность Фаринелли. В 1759 году с воцарением Карла III, ненавидящего искусство вообще, особенно музыку, певцу предложили покинуть Испанию. Он вернулся в Италию, обосновавшись в Болонье, где еще в 1730-е годы обзавелся землей, и под присмотром Пеполи там выстроили виллу. Свой дом Фаринелли наполнил предметами искусств, когда-то поднесенными ему в дар. Это были музыкальные инструменты, 300 картин (в том числе полотна Веласкеса, Риберы, Мурильо), мебель, золотые изделия, фарфор. Последние двадцать с лишним лет жизни певца прошли в Болонье, где у него побывал весь цвет Европы, от Глюка и Моцарта, от австрийского императора Иосифа II до Казановы. Среди вновь обретенных друзей отец Мартини, глава Болонской филармонической академии, среди домочадцев — племянник по сестре. Вопреки завещанию, по которому все имущество Фаринелли должно оставаться неотчуждаемым во владении семьи и переходить в определенном порядке наследования, все было продано, рассеяно. А впоследствии разрастающийся город «съел» и виллу, и сад. П. Барбье дает портрет не только гениального исполнителя, но и неординарной личности. Из всех итальянских кастратов Фаринелли один всегда и всюду встречал лишь самое горячее и единодушное одобрение. Он нравился всем: вельможам и простолюдинам, мужчинам и женщинам, итальянцам и иностранцам — «он нравился даже французам!» Даже мрачные испанские гранды не могли найти в нем ничего отталкивающего или достойного ненависти. Красавец, он имел поразительный успех у женщин, но любовные интриги его интересовали мало, и ни одного анекдота о его похождениях не сохранилось. (Кастрация не исключала сексуальных контактов.) Он был безупречно сдержан и уважителен с коллегами, не запятнан ни интриганством, ни капризами. Но мало кто знал, что его величайшие взлеты соседствовали с безысходностью и приступами тоски, с годами становившимися все более тяжелыми. Книга Барбье — это первая и единственная монография о Фаринелли на русском языке. Достоверные сведения о певце весьма скудны, хотя бесчисленные путешественники и мемуаристы оставили о нем множество свидетельств, сам он был скрытен и отказывался писать о себе. П. Барбье использует всю совокупность справочных, архивных, биографических материалов, мемуаров, эпистолярного наследия певца и его современников.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)